

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

© 2012 г. А. Л. КУЗЬМИНЫХ*

СОВЕТСКИЙ ВОЕННЫЙ ПЛЕН И ИНТЕРНИРОВАНИЕ КАК ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

История военного плена и интернирования в годы Второй мировой войны в СССР – одно из динамично развивающихся направлений отечественной и зарубежной историографии. Из табуированной в советское время темы она превратилась в межпредметную область, изучение которой позволяет глубже понять не только войну и военную повседневность, но и выйти на более широкий круг проблем истории СССР в военные и послевоенные годы.

В советское время история плена разрабатывалась в контексте антигитлеровского движения Сопротивления, которое, по мнению советских исследователей, направлялось компартиями европейских стран. Наиболее активно рассматривалось создание и деятельность Национального комитета «Свободная Германия» (НКСГ) – антифашистской организации из числа немецких военнопленных и политэмигрантов, действовавшей на территории СССР с июля 1943 по ноябрь 1945 г. Советские историки считали, что НКСГ был создан исключительно по инициативе немецких патриотов, в первую очередь, германских коммунистов-политэмигрантов, а также перешедших на антифашистские позиции немецких солдат и офицеров из числа захваченных в плен под Сталинградом. Роль коммунистов в политическом перевоспитании военнопленных, как правило, преувеличивалась, как и вклад движения «Свободная Германия» в борьбу с фашизмом. Целям и задачам антифашистского движения, участию пленных в работе по разложению войск противника посвятили свои работы Л.И. Гинцберг, Н.Г. Погребной, К.Л. Селезнев, А.М. Шевченко, Н.И. Шишов¹.

Существенный вклад в изучение истории антифашистского движения немецких военнопленных в СССР внес А.С. Бланк – автор первой монографии о движении «Свободная Германия»². Вопреки официально признанной в СССР и ГДР версии, ученый не был склонен трактовать «Свободную Германию» как «узкокоммунистическое движение». Оно, по мнению Бланка, «не было ни коммунистическим, ни социал-демократическим», а являло собой «блок весьма разнородных сил», которые «преследовали патриотические, антивоенные и антифашистские цели»³. Автор указывал, что переходу военнопленных на антифашистские позиции способствовали два фактора: гуманное обращение с ними в советских лагерях, которое разительно расходилось с постулатами геббельсовской пропаганды о «мучительной смерти в большевистском плену», и разрушение мифа о непобедимости немецкой армии, разочарование в политике Гитлера и идеологии национал-социализма. Участие в антифашистском движении требовало от военнопленных мужества, так как встречало ожесточенное сопротивление со стороны лагерного подполья – профашистски настроенных солдат и офицеров. Более того, многим членам НКСГ приходилось работать на передовой в качестве агитаторов, что, по сути, делало их реальными участниками вооруженной борьбы с фашизмом⁴. В 1979 г. в Кёльне на немецком языке вышла книга Бланка «Немецкие военнопленные в СССР»⁵, в которой историк с возможной тогда степенью объективности описал условия содержания военнопленных в советских лагерях⁶. В последние годы жизни Бланк

* Кузьминых Александр Леонидович, кандидат исторических наук, доцент Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний.

Исследование выполнено при поддержке РФНФ, проект № 12-01-00344а.

работал над биографией фельдмаршала Ф. Паулюса, издание которой в СССР долгое время оставалось невозможным. По-видимому, партийным цензорам показалось недопустимым изображать немецкого военачальника не только как исполнителя преступных приказов фюрера, но и как человека, прошедшего сложный и мучительный путь постижения правды о войне. Незавершенная рукопись, представлявшая собой попытку соединить воспоминания очевидца и исследование историка, художественную прозу и документы, была подготовлена к печати учеником Бланка Б.Л. Хавкиным и выпущена сотысячным тиражом в издательстве «Патриот» в 1990 г.⁷

Наиболее активно в рамках советской историографической традиции развивалась «критика реакционной западной историографии»⁸, сводившаяся к разоблачениям «фальсификаторов истории» и напоминаниям о зверствах и издевательствах фашистов над советскими военнопленными.

Зарубежная историография, в первую очередь западногерманская, в период 1950–1980-х гг. развивалась под доминирующим влиянием концепции тоталитаризма, согласно которой типологическими признаками тоталитарного сталинского режима считались господство коммунистической идеологии, наличие культа вождя, разветвленного бюрократического аппарата и мощных репрессивных органов, и вследствие этого – подавление личности со стороны государства, тотальная регламентация общественной и частной жизни, конформистская психология советского человека. По мнению западных исследователей, гипертрофированное насилие пришлось испытать не только советским гражданам, но и иностранцам, оказавшимся во власти органов НКВД–МВД. Тоталитарный режим, наряду с суровым климатом, необозримым пространством страны, иным менталитетом населения и сложным для понимания языком, делали плен крайне тяжелым испытанием.

Во второй половине 1950-х гг. изучение истории военнопленных Второй мировой войны становится одним из приоритетных направлений в западногерманской исторической науке. В 1957 г. по инициативе Федерального министерства по делам перемещенных лиц, беженцев и жертв войны под председательством мюнхенского профессора Г. Коха создается Научная комиссия по документированию судьбы немецких военнопленных Второй мировой войны. Ее задача состояла в том, чтобы «запечатлеть судьбу 11–12 миллионов военнопленных не менее чем в 20 государствах», в том числе и в СССР. В основу исследования были положены 400 тыс. свидетельств возвратившихся на родину военнопленных, полученные сразу после их прибытия в ФРГ и почти 50 тыс. сообщений, собранных дополнительно в виде письменных воспоминаний и устных интервью, записанных на магнитную пленку.

После смерти Коха комиссию возглавил бывший узник советских лагерей профессор Э. Машке. Итогом ее работы стал выход в 1962–1974 гг. 15-томного (в 22 книгах) труда «К истории немецких военнопленных Второй мировой войны»⁹. Семь томов описывали жизнь немцев в лагерях и тюрьмах Советского Союза¹⁰. По мнению Машке, основополагающие принципы функционирования советских лагерей военнопленных были во многом идентичны советским пенитенциарным учреждениям. И те, и другие подчинялись НКВД–МВД, а трудовое использование контингента являлось приоритетной задачей. «В общем и целом, – резюмирует немецкий историк, – структура лагерей для немецких военнопленных в Советском Союзе была ближе к исправительным лагерям, чем к лагерям для военнопленных на Западе и нормам, которые международное право предусматривало для военнопленных»¹¹. Ввиду нежелания руководства ФРГ инициировать дискуссию по проблеме военного плена Второй мировой войны, что грозило осложнением дипломатических отношений с СССР, «История немецких военнопленных Второй мировой войны» вплоть до 1976 г. имела гриф «Для служебного пользования» и использовалась в качестве справочного издания в учебных заведениях бундесвера. Попытку создания научно-популярной версии данного труда, адаптированной для массового читателя, предприняли западногерманские историк П. Карелл и журналист Г. Беддекер¹². Авторы сопоставили положение бывших немецких солдат в американском, английском, французском, австралийском, югославском и советском

плону, и пришли к выводу, что в странах Запада немецкие солдаты и офицеры содержались в лучших условиях, чем их соотечественники в Югославии и Советском Союзе. В качестве доказательств авторы ссылались на заявления репатриантов о «голодном психозе», «невыносимых условиях работы», «массовом доносительстве», «повальной смертности». Ввиду опоры на субъективные свидетельства, определенной гиперболизации и драматизации пережитого история плена представляла как «история страданий германского солдата за колючей проволокой».

В отдельное научное направление в западногерманской историографии выделяется история депортаций периода Второй мировой войны. В начале 1950-х гг. по поручению правительства ФРГ создается Научная комиссия по истории изгнания немцев из Восточной и Центральной Европы, которую возглавил профессор Кёльнского университета Т. Шидер. Эта комиссия, подобно «комиссии Машке», собрала и задокументировала несколько десятков тысяч письменных свидетельств, часть из которых была опубликована в многотомном научном сборнике под названием «Документация изгнания немцев из Восточной части Центральной Европы». Ряд томов непосредственно касался истории интернирования немецкого населения на территорию СССР¹³. В 1980 г. в Мюнхене вышла книга Беддекера «Беженцы: изгнание немцев на Востоке»¹⁴. Большую часть повествования составляют отрывки из показаний немецких граждан, описывающие сцены насилия и произвола со стороны советских военнослужащих. В ходе депортации, по данным исследователя, 218 тыс. немцев были вывезены в лагеря НКВД, почти половина из них (от 100 до 125 тыс.) погибла от голода, болезней и непосильного труда¹⁵. По мнению Беддекера, тотальная депортация немецких граждан в СССР явилась следствием массового угона на работы в Германию в годы войны советского населения¹⁶.

В обстановке острой дискуссии проходило в Западной Германии изучение истории образования и деятельности Национального комитета «Свободная Германия» и Союза немецких офицеров. В 1950–1960-е гг. в ФРГ получила официальное признание концепция о предателях «за колючей проволокой», перешедших на сторону врага под влиянием коммунистической пропаганды. Один из создателей этой концепции О. Хайльбрунн в книге «Советские тайные службы» расценивал деятельность антифашистов как попытку советских спецслужб посредством Национального комитета и Союза немецких офицеров склонить к переходу в советский плен как можно большее количество солдат и офицеров вермахта¹⁷. Историки Э. Керн и П. Штрасснер выпустили однотипные по содержанию книги под характерным названием «Предатели»¹⁸. Более взвешенным подходом отличается работа западногерманского исследователя К.-Х. Фризера¹⁹. По его убеждению, антифашистское движение за колючей проволокой было санкционировано И.В. Сталиным. Активистов НКСГ и СНО историк оценивает весьма сурово, объясняя их переход на антифашистские позиции стремлением занять привилегированное положение в лагерной иерархии. С противоположной точки зрения выступили А. Фишер и Б. Шойриг, рассматривавшие деятельность Национального комитета «Свободная Германия» и Союза немецких офицеров как «забытую главу немецкого Сопротивления»²⁰. Историки объясняли возникновение антифашистских настроений военнопленных в СССР последствиями катастрофы вермахта под Сталинградом.

Дискурс «холодной войны» неизменно оказывал влияние на западную историографию, усердно разоблачавшую «человеконенавистническую практику советского коммунизма». В начале 1980-х гг. на очередном витке международной напряженности на Западе выходит ряд публикаций, обвинявших СССР в нарушении законов и обычаев войны, в том числе режима военного плена. Так, немецкий историк М. Ланг указал на использование сталинским руководством практики заложничества²¹. А.М. де Цаяз и А. Смит обвинили СССР в массовом уничтожении немецких военнопленных²² и в преднамеренном затягивании процесса репатриации²³. Большой международный резонанс произвели вышедшие на Западе книги польских историков Я. Заводного и Е. Лойека (Л. Ежевского), посвященные истории катынского расстрела²⁴. Используя воспоминания оставшихся в живых пленных, бывших узников Старобельского, Козельского и Грязовецкого лагерей НКВД – Б. Млынарского, С. Свяневича, Ю. Чапского, З. Пеш-

ковского, а также польские, немецкие, британские и американские документы, авторы обоснованно возлагали вину за содеянное на органы НКВД.

В середине 1980-х гг. в ФРГ все большее признание получают работы ученых, исследующих историю военной повседневности. Новый подход воплотился в монографии профессора из Гамбурга А. Леманна. Исследователь далек от мысли, что отношение к военнопленным в СССР было бесчеловечным. Основную причину гибели значительного числа солдат и офицеров вермахта в советском плену он связывает с обстоятельствами, предшествующими их пленению, а также тяжелым экономическим положением в СССР. Наибольший интерес вызывает глава, посвященная так называемой «лагерной культуре». Здесь показаны трудная адаптация бывших солдат вермахта к лагерной действительности, социальное расслоение лагерного общества, духовная атмосфера за колючей проволокой²⁵.

Таким образом в условиях Холодной войны советские и зарубежные историки были вовлечены в водоворот идеологического противостояния, а мифологизация и героизация минувших событий мешали их научному осмыслению. Зарубежные исследователи добились значительных успехов в анализе и интерпретации доступных им источников, в полной мере использовали возможности «устной истории». Однако правительственную поддержку получали, как правило, «правые» историки с выраженными антисоветскими взглядами. Тенденциозность работ определялась и спецификой источниковой базы, основу которой составляли материалы бывших нацистских ведомств и учреждений, а также мемуары репатриантов, написанные под влиянием постпенитенциарного синдрома. В результате, при внешней полноте и всесторонности, картина жизни иностранных военнопленных и интернированных в Советском Союзе оказывалась весьма драматизированной. В то же время в советской историографии работа исследователей была подчинена идеологии. Известный специалист в области историографии Второй мировой войны А.Н. Мерцалов в конце 1980-х гг. справедливо отмечал, что военный плен является одним из наименее изученных аспектов минувшей войны²⁶. Постсоветский период стал в этом отношении настоящим «прорывом». Происходит сближение оценок отечественной и зарубежной историографии, исследователи из разных стран получают возможность знакомиться с ранее недоступными архивными документами, публиковать совместные труды, обмениваться научными идеями. В работах отечественных ученых на рубеже 1980–1990-х гг. марксистская методология уходит в прошлое, уступая место концепции тоталитаризма. Особенностью историографии этого периода стал резко обличительный тон в освещении деятельности органов НКВД–МВД СССР, на которые возлагалась ответственность за преступления сталинского режима.

Рассекречивание архивных документов способствовало началу активной разработки российскими исследователями истории военного плена. Результаты своих изысканий по «катынскому делу» опубликовали журналист В.К. Абаринов, историки Ю.Н. Зоря, Н.С. Лебедева, В.С. Парсаданова²⁷. Впрочем, путь к исторической справедливости оказался далеко не безоблачным, что подтвердила острая дискуссия вокруг Катынской трагедии. От традиционной версии – пленные польские офицеры расстреляны немцами – некоторые публицисты не желают отказываться до сих пор²⁸, пытаются снять ответственность со сталинского руководства – главного инициатора расстрела в Катынском лесу. Окончательную точку в этой дискуссии, на наш взгляд, поставила публикация на страницах журнала «Вопросы истории» протокола Политбюро ЦК ВКП(б), в котором 25 700 полякам во внесудебном порядке вынесен смертный приговор²⁹.

Исследователи активно обращаются к изучению положения и других национальных контингентов в лагерях НКВД–МВД³⁰. История создания и деятельности Главного управления по делам военнопленных и интернированных НКВД–МВД СССР получила отражение в работах И.В. Власовой, И.В. Безбородовой, А.Б. Попова, Е.М. Цунаевой³¹. В середине 1990-х гг. в России появляются первые работы по истории интернирования иностранных граждан на территории СССР³². Наиболее подробно проблема международных принудительных миграций периода Второй мировой войны освещена в монографии известного исследователя сталинских депортаций П.М. Поляна³³. В целом,

за период с 1990 по 2012 г. в России вышло в свет более тысячи различных по своему характеру и целевому назначению публикаций, раскрывающих различные аспекты истории «архипелага ГУПВИ». Их изучение позволяет говорить об оформлении в российской историографии военного плена и интернирования целого спектра научных направлений: политического, юридического, социально-демографического, экономического, биографического и регионального.

Политическое направление представлено работами, освещающими международно-правовой, дипломатический и военно-политический аспекты истории военного плена³⁴. В этих работах проблема плена рассматривается как важный фактор международных и внутренней политики СССР. Особое внимание уделяется рассмотрению отношений Советского Союза с другими государствами и международными организациями (Международный комитет Красного Креста) по вопросам военного плена и репатриации. Показательно в этом отношении появление книги В.Б. Конасова. В ней впервые в отечественной историографии детально воссоздавалась история дипломатического регулирования проблемы военного плена в годы войны, раскрывался процесс репатриации бывших солдат и офицеров вермахта, освещались судьбы представителей высшего немецкого военного командования³⁵. В последующих публикациях Конасов рассматривает репатриацию военнопленных из СССР в контексте дипломатических отношений между СССР, ГДР, ФРГ и западными державами, особое внимание уделяя переговорам Федерального канцлера К. Аденауэра и советского руководства осенью 1955 г.³⁶ Историк приходит к выводу, что вопрос о завершении репатриации немецких военнопленных из СССР решался в ходе сложной политической игры, в которой каждая из сторон преследовала свои интересы³⁷. Наиболее глубоко процесс репатриации немецких военнопленных из СССР исследован в монографии В.А. Всеволодова. В отличие от большинства российских исследователей, рассматривающих репатриацию как исключительно гуманный акт со стороны советского руководства, ученый ставит вопрос о цене этого процесса, который, по его мнению, унес жизни не менее 50 тыс. немцев, что пропорционально соответствовало уровню смертности военнопленных в лагерях Главного управления по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ)³⁸.

К политическому примыкает юридическое направление. Этот круг работ посвящен исследованию регулирования правового статуса и режима содержания военнопленных, а также проблеме их привлечения к судебной ответственности. Одна часть ученых (В.П. Галицкий, М.И. Семиряга, Т.А. Щелокаева) считает, что все вражеские солдаты, захваченные Красной армией, имели статус военнопленных и пользовались преимуществами режима военного плена, предусмотренными международными конвенциями³⁹. По их мнению, СССР, не подписав Женевскую конвенцию 1929 г., реализовал ее важнейшие принципы во внутреннем законодательстве. Другая часть исследователей (Н.А. Морозов, Н.В. Петров) полагает, что для сталинского руководства не было существенной разницы между советскими гражданами и иностранцами, поэтому немцы и их союзники, попавшие в русский плен, выпадали из сферы действия международного права и фактически являлись заключенными лагерей НКВД⁴⁰. А.Е. Епифанов приходит к выводу, что судебное преследование гитлеровских военных преступников отвечало основным принципам советского уголовного права, хотя налицо были и массовые нарушения законности в этой сфере⁴¹. Отдельную работу проблеме судебного преследования немецких военнопленных посвятил Конасов, отмечавший «волновой» характер судебных процессов и увязывавший их проведение с репатриацией⁴².

Социально-демографическое направление ориентировано на исследование статистических аспектов военного плена и интернирования, а также жизнеобеспечения плененных. Существенные разночтения вызывает вопрос о количестве иностранных военнопленных в СССР. По данным редактора многотомного издания «Военнопленные в СССР» М.М. Загорюлько, опирающегося на сведения Генерального штаба РККА, с 22 июня 1941 г. по 8 мая 1945 г. советским войсками было пленено 4 377 300 вражеских военнослужащих. После разгрома Квантунской армии число военнопленных пополнили 639 635 японских солдат и офицеров. Таким образом общее число военно-

пленных в СССР составило 5 016 935 человек⁴³. Между тем, статистика НКВД–МВД дает несколько иную картину. По данным Галицкого, с 22 июня 1941 г. по 2 сентября 1945 г. органами НКВД–МВД было зарегистрировано и поставлено на учет в качестве военнопленных 4 126 964 военнослужащих вражеских армий⁴⁴. Выявленную диспропорцию исследователи объясняют освобождением части захваченных советскими войсками неприятельских военнослужащих непосредственно на линии фронта.

Что касается численности военнопленных в начальный период Второй мировой войны, то здесь исследователи также приводят разные цифры. Авторы статистического труда «Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил» отмечают, что в ходе оккупации Польши с 17 сентября по 2 октября 1939 г. советские войска взяли в плен 452 536 польских военнослужащих⁴⁵. По данным Лебедевой, количество польских военнопленных составило 248 476 человек, причем из них 125,4 тыс. человек были отправлены в лагерь НКВД, а остальная часть отпущена на свободу⁴⁶. Согласно Попову, в 1939–1941 гг. в советском плену находилось от 240 до 300 тыс. польских военнослужащих⁴⁷. Российский историк Семиряга со ссылкой на Ю. Мацкевича отмечает, что в ходе наступательной операции в Польше части Красной армии взяли в плен свыше 230 тыс. солдат и офицеров польской армии⁴⁸. Кроме того, в лагерях НКВД содержался незначительный контингент военнопленных японцев (227 человек)⁴⁹ и финнов (883 человека)⁵⁰.

При подсчете общей численности военнопленных периода Второй мировой войны в СССР также существует разброс мнений. Галицкий, ссылаясь на документы центральных государственных архивов, пишет, что с 17 сентября 1939 г. (время перехода Красной армией советско-польской границы) по октябрь 1945 г. (время окончания интернирования основной массы военнослужащих Квантунской армии на территории Маньчжурии, Южного Сахалина и островов Курильской гряды) во власти советского государства оказалось более 4,5 млн военнопленных⁵¹. Попов указывает, что в советском плену содержалось примерно 5,3 млн иностранных военнослужащих⁵². Еще более завышенную цифру, в 7 млн человек, без какой-либо дополнительной аргументации и указания источников приводит в одной из своих работ Морозов⁵³. Суммируя данные из наиболее надежных источников, можно констатировать, что в годы Второй мировой войны советской армией было пленено 5 266 521 (227+248 476+883+5 016 935) неприятельских военнослужащих, из которых 4 243 247 человек (125 400+883+4 126 964) содержались в системе УПВИ–ГУПВИ НКВД–МВД СССР.

Теперь попытаемся определить численность интернированных Второй мировой войны в СССР. Галицкий пишет о 500 тыс. интернированных в СССР граждан немецкой, японской и других национальностей⁵⁴. В свою очередь, учетная картотека ГУПВИ, на которую ссылается в своей монографии Полян, содержит данные лишь на 344 671 интернированных⁵⁵. Именно эта цифра, на наш взгляд, является наиболее близкой к действительности. Таким образом, общее число захваченных в плен и интернированных советскими войсками в 1939–1945 гг. неприятельских военнослужащих и гражданских лиц составляет 5 611 192 человека (5 266 521+344 671), а совокупная численность иностранцев, содержащихся в системе УПВИ–ГУПВИ, 4 587 918 человек (4 243 247+344 671). Наконец, если к последнему числу прибавить 354 592 советских военнослужащих, прошедших через специальные лагеря НКВД⁵⁶, то общая численность контингента системы УПВИ–ГУПВИ за 1939–1956 гг., составит 4 942 510 человек.

Почти все исследователи в своих работах касаются вопроса о продовольственном снабжении военнопленных. Так, Галицкий считает, что нормы суточного довольствия пленных «были достаточны для обеспечения нормальной жизнедеятельности организма человека»⁵⁷. Этой же точки зрения придерживаются С.С. Букин⁵⁸ и С.И. Кузьмин⁵⁹. Кузьмин пишет, что даже обычные военнопленные, не говоря уже об офицерах и генералах, питались лучше, чем заключенные ГУЛАГа, а набор продуктов был значительно разнообразнее⁶⁰. Ю.И. Горбунов полагает, что «МВД СССР уделяло большое внимание

обеспечению военнопленных продуктами», благодаря чему нормы питания военнопленных были «не ниже, чем у советских граждан»⁶¹.

Другая часть исследователей приходит к противоположным выводам. Так, иркутский историк С.И. Кузнецов отмечает высокую смертность японских военнопленных из-за дистрофии, являвшейся, по его мнению, следствием низких норм питания⁶². Эту же мысль, но уже в отношении немецких военнопленных, проводит В.А. Иванов⁶³. А.А. Долголок справедливо отмечал, что норма питания, фиксированная на бумаге, и ее фактическое выполнение – не одно и то же⁶⁴. Нормы снабжения зачастую игнорировались лагерной администрацией. Тем не менее, продовольственное снабжение в лагерях хотя и медленно, но год от года улучшалось. В конце 1940-х гг. алиментарная дистрофия и авитаминозы были редкостью⁶⁵. Сложность и противоречивость практики продовольственного обеспечения военнопленных показаны в статье волгоградского историка С.Г. Сидорова⁶⁶. Автор обращает внимание и на то, что система питания военнопленных жестко увязывалась с выполнением ими установленных трудовых норм.

Дискуссию по вопросу продовольственного обеспечения пленных «подогрело» появление материалов, свидетельствующих о существовании в лагерях НКВД практики каннибализма. На одном из стендов выставки «Военнопленные – Kriegsgefangene», проходившей в 1995 г. в Доме истории ФРГ, а затем – в Центральном музее Великой Отечественной войны в Москве, в частности, отмечалось: «По некоторым данным, пленным приходилось есть не только отбросы, но и человеческое мясо»⁶⁷. Долгое время отечественные историки считали подобные заявления безосновательными, не подкрепленными документальными источниками. Лишь сравнительно недавно удалось выявить архивные материалы, подтверждавшие факты каннибализма в лагерях УПВИ–ГУПВИ⁶⁸. Однако сразу же оговоримся, что речь идет о единичных случаях, а не о массовом явлении.

Другая важная тема – медицинское обеспечение и смертность военнопленных. Широкое распространение в отечественных средствах массовой информации получила версия об «ужасах русского плена», заимствованная у западных историков. Между тем отдельные, хотя и достоверные исторические факты не позволяют говорить о наличии в СССР целенаправленной политики по уничтожению пленных солдат и офицеров противника. Современные исследователи подтверждают относительно гуманное отношение советских медиков к пленным⁶⁹. Особенно квалифицированную медицинскую помощь получали генералы вермахта. С другой стороны, исследователи показывают и многочисленные изъятия в медицинском обслуживании пленных. Так, по мнению Г.А. Грибовской, на протяжении Великой Отечественной войны, за исключением Берлинской операции, отсутствовало планирование медицинского обслуживания обезоруженных неприятельских солдат. Это приводило к переполнению фронтовой и тыловой госпитальной базы в ходе крупных наступательных операций⁷⁰.

Особого внимания заслуживает вопрос о смертности военнопленных. Некоторые историки пытаются доказать, что иностранные военнопленные находились в таких же ужасных условиях, как советские в фашистских и японских лагерях. В доказательство своей правоты они приводят следующие данные: из 7 млн попавших в советский плен неприятельских солдат не дожили до своего возвращения на родину 3.5 млн, т.е. каждый второй⁷¹. Большинство отечественных ученых дают значительно более низкие цифры. Галицкий указывает, что за период с 1941 по 1956 г. в советском плену умерли 580 548 немцев, японцев, венгров, румын, австрийцев и пленных других национальностей⁷². В свою очередь, Конасов полагает, что источники НКВД–МВД СССР, на которые опирался Галицкий, занижали процент летальных исходов. Исследователь, ссылаясь на архивные документы, подчеркивает, что только в полосе линии фронта неучтенные потери составили несколько десятков тысяч человек⁷³. Поистине катастрофические масштабы смертности среди вражеских пленных приобрела в период ликвидации Сталинградского котла. По данным Г.В. Ключарева, из 91 тыс. плененных на берегах Волги немецких, румынских и итальянских солдат выжили лишь 6 тыс.⁷⁴

В связи с этим принципиальное значение приобретает вопрос: являлась ли массовая гибель пленных в СССР следствием политики массового террора по отношению к ним или была результатом стечения обстоятельств фронтовой и тыловой действительности? Значительная часть исследователей сходится во мнении, что высокий уровень смертности среди пленных был вызван не репрессиями советских властей, а рядом объективных факторов. Так, по данным А.Е. Епифанова, 40–60% военнослужащих вермахта, взятых в плен под Сталинградом в январе–феврале 1943 г., уже являлись тяжелооболбными и обмороженными дистрофиками. Поэтому неудивительно, что по отдельным лагерям смертность достигала 40–50%⁷⁵. По подсчетам М.А. Колерова, после резкого скачка смертности военнопленных зимой–весной 1943 г., ситуация постепенно нормализуется. В доказательство своего тезиса историк приводит следующие данные. В 1942 г. из 54 972 военнопленных умерло 8 680 (15,8%), 1943 г. из 227 440 человек – 119 322 (52,5%), 1944 г. из 812 971 человека – 71 834 (8,8%), 1945 г. из 2 920 886 человек – 118 431 (4%). Согласно Колерову, уже со второй половины 1943 г. «смертность немецких военнопленных в СССР равнялась (а затем – была ниже) смертности советских заключенных и была неприципиально выше (а затем – кратно ниже) смертности гражданского населения СССР»⁷⁶. Таким образом, говорить о политике уничтожения военнопленных в СССР вряд ли уместно.

В рамках экономического направления изучается труд военнопленных и интернированных как фактор развития и восстановления советской экономики (проблемы его организации и рентабельности, его место и роль в развитии отдельных отраслей народного хозяйства). Наиболее показательными в этом отношении являются работы Н.В. Барановой, Р.С. Бикметова, Г.В. Оганяна, Сидорова, Колерова⁷⁷. Почти все исследователи отмечают, что вовлечение военнопленных и интернированных в производственные процессы было закономерным явлением для существовавшей в СССР административно-мобилизационной экономической системы. При этом Безбородова и Галицкий полагают, что труд военнопленных начинает широко использоваться на стройках и предприятиях СССР с 1943 г., а Н.В. Суржикова начало массового вовлечения контингента ГУПВИ в производственные процессы датирует 1946 г.⁷⁸ Что касается периодов 1939–1942 и 1950–1956 гг., то, по общему мнению исследователей, в эти годы труд пленных ввиду их незначительного количества не играл серьезной роли в советской экономике.

В каких отраслях промышленности использовался труд военнопленных? Учитывалась ли их квалификация и профессиональная подготовка? Ж.А. Медведев пишет об использовании труда немецких военнопленных на секретном производстве – Яхимовских урановых рудниках в Чехословакии и предприятии «Висмут» в Восточной Германии⁷⁹. Как отмечает П.Н. Кнышевский, пленные работали на предприятиях по созданию наукоемкой и высокотехнологичной продукции⁸⁰. Букин показывает участие пленных солдат вермахта в строительстве крупных советских промышленных предприятий и научно-культурных объектов⁸¹. Н.В. Баранова, изучившая вклад военнопленных в восстановление экономики Ярославской обл., отмечает, что немцы трудились преимущественно на предприятиях машиностроительной, химической и легкой промышленности. Используя свою квалификацию и передовые немецкие методы, они выполняли нормы на 300–700%, а в свободное время обучали молодых ярославских рабочих⁸². В свою очередь, А.В. Филимонов считает, что труд пленных чаще всего оставался невостребованным, и все они представляли не что иное, как «безликую рабочую силу»⁸³.

Наибольшие споры среди исследователей вызывает вопрос о рентабельности лагерей, т.е. целесообразности их существования с экономической точки зрения. Проанализировав показатели экономической деятельности системы ГУПВИ, Безбородова пришла к выводу, что лагеря военнопленных и интернированных были «дотационным объектом в системе НКВД», а доход от использования труда иностранных граждан ни разу не достиг уровня фактических расходов на их содержание⁸⁴. К такому же заключению пришел Полян, изучивший экономико-географический аспект принуди-

тельных миграций в СССР⁸⁵. Исследователь считает, что если на труде депортированных, интернированных и военнопленных базировалась чья-то экономическая выгода, то не государства, а ведомства, отвечавшего за содержание и трудовое использование спецконтингента, а именно, наркомата (министерства) внутренних дел⁸⁶. Иной точки зрения придерживается Сидоров⁸⁷. Тот факт, что «оплачиваемые работы пленных не покрывали затраты на содержание лагерей», по его мнению, еще ни о чем не говорит, так как заработная плата (16.7 млрд руб.) составляла только одну треть в общей стоимости созданных военнопленными материальных ценностей (50 млрд руб.). По подсчетам Сидорова, стоимость выполненных работ и произведенной руками пленных продукции в 2.2 раза превысила затраты, направленные на содержание лагерей. При этом автор отмечает, что стоимость произведенных военнопленными ценностей была в 13.5 раза меньше общего ущерба, причиненного Советскому Союзу в годы войны (679 млрд руб.)⁸⁸. В свою очередь, Суржикова полагает, что сумма в 16.7 млрд руб. является не суммой заработка военнопленных, а валовой выработкой лагерей, которая подразумевает совокупную стоимость всех произведенных военнопленными работ, товаров и услуг. Цифру же в 50 млрд руб. она рассматривает как «продукт сознательной или несознательной мистификации» ГУПВИ МВД СССР, заинтересованного в демонстрации своих производственных достижений перед руководством страны⁸⁹.

Биографическое направление историографии плена ориентировано на изучение судеб военнопленных и интернированных. Биографиям фельдмаршалов Ф. Паулюса и Э. фон Клейста, президента Союза немецких офицеров генерала В. Зайдлица, последнего императора маньчжурской династии Пу И, истории их жизни в плену посвятили свои книги и статьи Б.Л. Хавкин, С.В. Карасев, В.Г. Макаров, В.В. Марковчин, Л.Е. Решин, В.С. Христофоров⁹⁰. Сюда же можно отнести биографическую книгу-справочник Безбородовой «Генералы вермахта в советском плену»⁹¹. В рамки этого направления вполне вписываются и публикации, освещающие судьбы руководителей УПВИ–ГУПВИ⁹².

В последние годы динамично развивается региональное направление (анализ организации отдельных лагерных структур и учреждений, освещение участия военнопленных в развитии народного хозяйства, выявление особенностей содержания пленных в соответствии с местными климатическими и географическими условиями)⁹³. Наиболее показательной в этом отношении является книга Всеволодова «Срок хранения – постоянно!». Сопровожденная уникальным иллюстративным материалом, она детально раскрывает различные стороны жизни пленных и сотрудников Красногорского лагеря НКВД–МВД № 27⁹⁴. В региональных исследованиях значительное внимание уделяется поисковой работе, состоящей в установлении имен умерших иностранцев и мест их захоронения⁹⁵.

Современная российская историография активно формирует собственные традиции изучения истории советского военного плена и интернирования Второй мировой войны. В последние годы среди исследователей, несмотря на наличие различных точек зрения, преобладает объективистский подход к этой теме. «Было бы аморально давать сколько-нибудь положительную оценку советской лагерной системе, вспоминая о массовой смертности и непомерных страданиях сотен тысяч японских и других военнопленных в советском плену из-за болезней, недостатка пищи, тяжелых климатических и бытовых условий, непосильного физического труда, – рассуждает Е.Л. Катасонова. – Тем не менее, следует признать, что советское руководство уделяло много внимания и средств для поддержания элементарных условий жизни и труда этих людей»⁹⁶.

Возможность работы в российских архивах способствовала активизации научного поиска зарубежных ученых. Настоящим прорывом стал выход в 1995 г. монографии австрийского историка, директора Института по изучению последствий войны имени Людвиг Бальцмана (г. Грац) С. Карнера «Архипелаг ГУПВИ: Военный плен и интернирование в Советском Союзе. 1941–1956», основанной на обширном корпусе рассекреченных документов бывшего Особого архива (ныне – Российский государственный военный архив). По подсчетам историка, в систему ГУПВИ входило около 4 тыс. лаге-

рей, лагерных отделений, госпиталей, рабочих батальонов⁹⁷. Наиболее глубоко Карнер исследовал проблему выживания за колючей проволокой, социально-психологические последствия пребывания в плену. Оценивая данную работу как крупное продвижение в изучении истории советского военного плена, необходимо отметить и ее слабые стороны. Книга дает достаточно поверхностную характеристику формирования и функционирования системы ГУПВИ и ее структурных подразделений. Автор ограничивается изучением жизни немецких и австрийских граждан в советском плену, не рассматривая положение пленных других национальностей. Хронологические рамки работы охватывают период с 1941 по 1956 г., тогда как система органов и учреждений военного плена и интернирования функционировала с сентября 1939 г. Наконец, недостаточно аргументированным представляется вывод о «громдном значении использования труда немецких и австрийских военнопленных», составившего до 8% валового производства в период первой послевоенной пятилетки. Во второй половине 1990-х и в 2000-х гг. на базе Института им. Людвиг Больцмана, возглавляемого Карнером, была подготовлена серия научных трудов по истории пребывания в советском плену австрийских граждан⁹⁸. Эти работы, содержащие обширный фактический материал, объединяет взгляд на трагедию плена с позиции представителей конкретной территориально-этнической группы, а также опора на документы личного происхождения.

В 2000 г. вышла книга немецкого историка А. Хильгера⁹⁹. Автор поднимает традиционный блок вопросов: советская политика в области военного плена, восприятие России военными служащими вермахта, развитие системы УПВИ–ГУПВИ, режим и условия содержания, политическое перевоспитание, лагерная атмосфера, оперативнотехническая работа, репатриация и т.п. Большинство из этих сюжетов, начиная с взятия в плен и заканчивая деятельностью лагерей для осужденных военных преступников, рассматриваются на примере Сталинградской обл. Это позволяет показать как общие черты положения военнопленных в Советском Союзе, так и его локальные особенности. Хильгер справедливо замечает, что СССР не преследовал цели физического уничтожения пленных. Негативных факторов, усугублявших существование пленных за колючей проволокой, по мнению автора, было два. Во-первых, разрушенная страна не могла себе позволить разместить пленных в комфортных условиях, обеспечить им регулярное, полноценное питание, поскольку ее собственные граждане нередко сами жили за чертой бедности. Во-вторых, директивы НКВД–МВД в реальности оставались пустой формальностью. Руководство лагеря зачастую само устанавливало нормы питания и режимные требования. К достоинствам работы следует отнести ее информативность: исследование сопровождается схемами, таблицы, графики, иллюстрирующие уровень смертности, питания, вещевого обеспечения военнопленных. При этом дается сравнительный анализ жизнеобеспечения военнопленных в советских местах заключения и в лагерях бывших союзников СССР. В целом, монография по праву может считаться одним из наиболее объективных и фундаментальных изданий по истории советского военного плена.

Существенный вклад в изучение проблемы военного плена в СССР внес финский историк Д.Д. Фролов. В своей книге «Советско-финский плен 1939–1944 гг.» он исследует правовой статус военнопленных в СССР и Финляндии, особенности содержания, медицинского обслуживания, трудового использования, идеологической обработки и репатриации советских и финских военнопленных¹⁰⁰. В 2010 г. в переводе на русский язык вышла книга итальянского историка М. Джуги «Итальянские военнопленные в СССР»¹⁰¹. Традиционным направлением западной историографии остается изучение социально-психологических аспектов лагерной повседневности на основе анализа мемуаров и материалов «устной истории». Наиболее показательным в этом отношении является исследование швейцарского историка Р. Дэлера «Японские и немецкие военнопленные в Советском Союзе. 1945–1956 гг. Сравнение воспоминаний о пережитом»¹⁰².

Помимо исторической компаративистики определенное влияние на зарубежную историографию военного плена продолжает оказывать тоталитаристская парадигма изу-

чения прошлого. Согласно этой весьма политизированной концепции, зародившейся в эпоху «холодной войны», коммунистический режим ответственен не только за беспрецедентное уничтожение собственного народа, жертвами которого стали не менее 25 млн советских граждан, но и за массовые преступления против мира и человечности в годы Второй мировой войны. Наиболее полное обоснование эти взгляды нашли в книге немецкого историка И. Хоффмана «Сталинская война на уничтожение»¹⁰³. По мнению этого автора, Советским Союзом в годы Второй мировой войны осуществлялось целенаправленное истребление захваченных в плен военнослужащих и мирного населения противника. В качестве подтверждения своих доводов Хоффман приводит Катынский расстрел, массовые убийства немецких военнопленных в начальный период войны, геноцид гражданского населения после вступления советских войск на территорию Германии. При этом подчеркивается, что это были не отдельные репрессивные акции, а сознательная и продуманная политика Сталина. Близок к такого рода оценкам и британский историк Э. Бивор, который в своей книге «Сталинград» пишет о том, что «условия содержания пленных были ужасны», а «немецким солдатам ничего другого не оставалось, как подышать с голоду или... поедать себе подобных»¹⁰⁴. Из-за равнодушного и жестокого обращения советских властей, согласно Бивору, умерло 95% из попавших в советский плен под Сталинградом солдат вермахта¹⁰⁵. В такой же тональности автор повествует об отношении советских солдат к немецкому гражданскому населению во время Берлинской операции¹⁰⁶. Только в Берлине, по данным историка, советскими военнослужащими было изнасиловано около 100 тысяч женщин.

Книги Бивора по вполне понятным причинам вызвали резкую критику со стороны российских историков. В частности, президент Российской ассоциации историков Второй мировой войны О.А. Ржешевский пишет, что Бивор возрождает «образ “азиатских орд”, который вбивала в головы немцев нацистская пропаганда». По мнению Ржешевского, выводы британского ученого построены на вызывающих сомнение устных свидетельствах, что неприемлемо для научного исследования¹⁰⁷. В целом, несмотря на попытки реанимации тоталитаристского подхода, западные ученые предпочитают работать в русле социальной истории. Преимущественное внимание уделяется изучению поведенческих и психологических реакций в условиях плена, раскрытию особенностей существования лагерного социума, процессу ресоциализации репатриантов после возвращения на родину.

Таким образом до конца 1980-х гг. отличительной чертой историографии плена в СССР были обвинительная тональность и пропагандистская направленность исследований. Если в большинстве работ западных историков прослеживалась цель доказать нарушения режима военного плена советским государством, то советские ученые стремились обосновать юридическую правомерность содержания в лагерях, трудового использования и судебного преследования пленных, а также продемонстрировать гуманный характер обращения с поверженным врагом. Второй период в изучении проблемы начался с объединения Германии и падения коммунистического режима в СССР и других странах Восточной Европы. Он характеризуется раскочериванием большого объема архивных материалов, всплеском интереса к теме военного плена и интернирования в российской исторической науке, а также совместными изысканиями отечественных и зарубежных ученых.

При этом продолжает оставаться дискуссионным целый ряд вопросов: численность и правовой статус военнопленных в советских лагерях, организация продовольственного обеспечения и медицинского обслуживания, проблема смертности, эффективность лагерного труда. До сих пор не раскрыты особенности дислокации учреждений для содержания военнопленных и интернированных в СССР, не исследована их типология, функции, специфика формирования лагерной инфраструктуры. Сравнительный анализ содержания работ российских и зарубежных историков позволяет выявить их принципиальные отличия. Если российские историки склонны абсолютизировать официальные отчетно-статистические документы НКВД–МВД, то их иностранные коллеги относятся к этим сведениям с большой осторожностью, отдавая предпочтение мате-

риалам «устной истории» и мемуаристике. Это во многом предопределяет тональность исследований, различия в ключевых выводах и обобщениях.

Примечания

¹ *Гинцберг Л.И.* Борьба немецких патриотов против фашизма (1939–1945). М., 1987; *Погребной Н.Г.* Участие немецких антифашистов в боях против гитлеровских захватчиков в годы Великой Отечественной войны // Украинский исторический журнал. 1964. № 2. С. 64–69; *Селезнев К.Л.* Геноссе политрук Артур Пик // Новая и новейшая история. 1985. № 2. С. 113–126; *Шевченко А.М.* Национальный комитет «Свободная Германия» в действии // Ежегодник германской истории. М., 1974. С. 402–410; *Шишов Н.И.* В борьбе с фашизмом (Интернациональная помощь СССР народам европейских стран. 1941–1945 гг.). М., 1984.

² См.: *Бланк А.С.* Национальный комитет «Свободная Германия» – центр антифашистской борьбы немецких патриотов. 1943–1945. Вологда, 1963.

³ *Бланк А.С.* Движение «Свободная Германия» и коммунистическая партия Германии (1943–1945 гг.) // Вопросы истории КПСС. 1962. № 4. С. 130–142.

⁴ *Бланк А.С.* Национальный комитет «Свободная Германия»... С. 18–19.

⁵ Там же. С. 27.

⁶ *Blank A.* Die deutschen Kriegsgefangenen in der UdSSR. Köln, 1979.

⁷ *Бланк А.С., Хавкин Б.Л.* Вторая жизнь фельдмаршала Паулюса. М., 1990.

⁸ *Мерцалов А.Н.* Великая Отечественная война в историографии ФРГ. М., 1989. С. 30; *Монин М.* К истории «Катынского дела» // Военно-исторический журнал. 1982. № 2. С. 67–73; *Рожешевский О.А., Иваницкий Г.М.* Правда и ложь о жизни немецких военнопленных в СССР // Военно-исторический журнал. 1978. № 10. С. 76–82.

⁹ *Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges* (Bd. 1–22). München, 1962–1974.

¹⁰ *Bährens K.* Deutsche in Straflagern und Gefängnissen der Sowjetunion // *Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges*. Bd. 5 (1–3). München, 1965; *Fleischhacher H.* Die deutschen Kriegsgefangenen in sowjetischer Hand. Der Faktor Hunger // *Ibidem*. Bd. 3. München, 1965; *Böhme K.* Die deutschen Kriegsgefangenen in sowjetischer Hand. Eine Bilanz // *Ibidem*. Bd. 7. München, 1966; *Cartellieri D.* Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion. Die Lagergesellschaft. Eine Untersuchung der zwischenmenschlichen Beziehungen in den Kriegsgefangenenlagern // *Ibidem*. Bd. 1. München, 1967; *Schwarz W.* Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion. Aus dem kulturellen Leben // *Ibidem*. Bd. 6. München, 1969; *Ratza W.* Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion. Der Faktor Arbeit // *Ibidem*. Bd. 4. München, 1973; *Robel G.* Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion. Antifa // *Ibidem*. Bd. 8. München, 1974.

¹¹ *Bährens K.* Op. cit. Bd. 5 (1). München, 1965. S. V.

¹² *Carrell P., Böddeker G.* Die Gefangenen. Leben und Überleben deutscher Soldaten hinter Stacheldraht. Frankfurt; Berlin; Wien, 1980.

¹³ *Dokumentation der Vertreibung der deutschen aus Ost-Mitteleuropa*. Bd. 1–5. Wolfenbüttel, 1953–1961.

¹⁴ *Böddeker G.* Die Flüchtlinge: die Vertreibung der Deutschen im Osten. München, 1980. Недавно книга переведена на русский язык. См.: *Беддекер Г.* Трагедия Германии: беженцы III Рейха. 1944–1945 гг. М., 2009.

¹⁵ В современной историографии приводятся другие цифры: из 272 тыс. немцев, интернированных в СССР, умерло около 66.5 тыс. человек, т.е. 24.4%. Рассчитано по данным: *Полян П.М.* Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001. С. 234.

¹⁶ *Беддекер Г.* Трагедия Германии... С. 157–158.

¹⁷ *Heilbrunn O.* Der Sowjetische Geheimdienst. Frankfurt-Main, 1956.

¹⁸ *Kern E.* Verrat an Deutschland – Spione und Saboteure gegen das eigene Vaterland. Göttingen, 1963; *Straßner R.* Verräter. Das Nationalkomitee «Freies Deutschland» – Keimzelle der sogenannten DDR. München; Lochau, 1960.

¹⁹ *Frieser K.-H.* Krieg hinter Stacheldraht. Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion und das Nationalkomitee «Freies Deutschland». Mainz, 1981.

²⁰ *Fischer A.* Die Bewegung «Freies Deutschland» in der Sowjetunion: Widerstand hinter Stacheldraht? // *Der Widerstand gegen den Nationalsozialismus*. München, 1985; *Scheurig B.* «Freies

Deutschland». Das Nationalkomitee und der Bund Deutscher Offiziere in der Sowjetunion 1943 bis 1945. München, 1960; *idem*. «Freies Deutschland». Köln, 1984.

²¹ *Lang M.* Stalins Strafjustiz gegen deutsche Soldaten. Die Massenprozesse gegen deutsche Kriegsgefangene in den Jahren 1949 und 1950 in historischer Sicht. Herford, 1981.

²² *Zayas A.* Die Wehrmacht – Untersuchungsstelle. Deutsche Ermittlungen über alliierte Völkerrechtsverletzungen im Zweiten Weltkrieg. München, 1980; *Smith A.* Die «vermißte Million». Zum Schicksal deutscher Kriegsgefangenen nach dem Zweiten Weltkrieg. München, 1991.

²³ *Smith A.* Heimkehr aus dem Zweiten Weltkrieg. Die Entlassung der deutschen Kriegsgefangenen. Stuttgart, 1985.

²⁴ *Zawodny J.K.* Death in the forest: the story of the Katyn forest massacre. Notre Dame, 1962; *Jezewski L.* Dzieje sprawy Katynia. Warszawa, 1980. Русский перевод этой книги: *Ежевский Л.* Катынь. 1940. Варшава, 1990.

²⁵ *Lehmann A.* Gefangenschaft und Heimkehr. Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion. München, 1986. S. 38–57.

²⁶ *Мерцалов А.Н.* Трудные вопросы истории войны // 1418 дней войны: Из воспоминаний о Великой Отечественной. М., 1990. С. 540.

²⁷ См.: *Абаринов В.К.* Катынский лабиринт. М., 1991; *Лебедева Н.С.* Катынь: преступление против человечества. М., 1996. См. также: Катынская драма. Козельск; Старобельск; Осташков. М., 1991; Другая война: 1939–1945. М., 1996.

²⁸ См., например: *Мухин Ю.И.* Антироссийская подлость. М., 2003.

²⁹ Секретные документы из особых папок // Вопросы истории. 1993. № 1. С. 3–22.

³⁰ Документы о судьбе итальянских военнопленных из архива Коминтерна // Отечественные архивы. 1992. № 3. С. 90–96; *Галицкий В.П.* Военнопленные германской армии в Советском Союзе (1941–1945 гг.). ДСП (на правах рукописи). М., 1992; *он же*. Финские военнопленные в лагерях НКВД (1939–1953 гг.). М., 1997; *Конасов В.Б.* Гриф секретности снят. К истории немецких военнопленных в СССР. Вологда, 1991; *он же*. Политика Советского государства в отношении немецких военнопленных (1941–1956 гг.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1998.

³¹ *Безбородова И.В.* Управление по делам военнопленных и интернированных НКВД–МВД СССР (1939–1953). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1997; *Власова И.В.* Работа с военнопленными в тыловых районах советских фронтов в годы Великой Отечественной войны. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1994; *Попов А.Б.* Пленные большой войны: иностранные военнопленные в СССР в 1941–1945 гг. Ростов н/Д., 2000; *Цунаева Е.М.* Делопроизводственная документация учреждений военного плена НКВД–МВД СССР и органов управления ими как исторический источник. Дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2010; *она же*. Учреждения военного плена НКВД–МВД СССР (1939–1953 гг.). Волгоград, 2010.

³² *Гурьянов А.Э.* Интернирование – один их видов советских репрессий против поляков и польских граждан // Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997. С. 207–214; *Зайцева О.А., Гурьянов А.Э.* Документы ЦХИДК об интернировании польских граждан в СССР в 1944–1949 гг. // Там же. С. 226–255; *Кнышевский П.Н.* Государственный комитет обороны: методы мобилизации трудовых ресурсов // Вопросы истории. 1994. № 2. С. 53–65; *Конасов В.Б., Терещук А.В.* «Будут немедленно преданы суду военного трибунала...» // Русское прошлое. 1994. № 5. С. 318–337; *Семиряга М.* Приказы, о которых мы не знали. Сталин хотел вывезти из Германии в СССР всех трудоспособных немцев // Новое время. 1994. № 15. С. 56–57.

³³ *Полян П.М.* Не по своей воле...

³⁴ *Бичехвост А.Ф.* Репатриация советских и иностранных граждан: внутривнутриполитические и международные аспекты (1944–1953 гг.). Дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 1996; *Конасов В.Б.* Политика Советского государства в отношении немецких военнопленных...; *Арзамасский Ю.Н.* Репатриация советских и иностранных граждан в 1944–1953 гг.: военно-политический аспект. М., 1999; *Катасонова Е.Л.* Японские военнопленные в СССР: большая игра великих держав. М., 2003; *она же*. Последние пленники Второй мировой войны: малоизвестные страницы российско-японских отношений. М., 2005; *Всеволодов В.А.* «Ступайте с миром»: к истории репатриации немецких военнопленных из СССР (1945–1958 гг.). М., 2010.

³⁵ *Конасов В.Б.* Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы. Вологда, 1996.

³⁶ *Конасов В.Б.* Освобождение последних немецких военнопленных в контексте установления дипломатических отношений между СССР и ФРГ // Проблемы военного плена: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции. Ч. 2. Вологда, 1997. С. 176–193; *он же*. Переговоры в Москве осенью 1955 года и освобождение немецких военнопленных // Отечественные архивы. 1998. № 1. С. 61–66; *он же*. Преемники Сталина и

проблема немецких военнопленных // Отечественная история. 1998. № 5. С. 167–174; *он же*. Репатриация последних немецких военнопленных осенью 1955 года (По материалам российских архивов) // Вестник архивиста. 1997. № 5. С. 72–84.

³⁷ *Конасов В.Б.* Международный комитет Красного Креста – Советский Союз: дорогой сотрудничества и конфронтации (1939–1952 гг.): Исторический очерк и документы. М., 1999.

³⁸ По подсчетам Всеволодова, из 2 388 443 немецких военнопленных в СССР умерло 356 687 человек (15%). Совокупные потери при репатриации оцениваются им в 50 тыс. человек или 14% от общего числа смертных случаев. См.: *Всеволодов В.А.* «Ступайте с миром»... С. 188.

³⁹ *Галицкий В.П.* Проблема военнопленных и отношение к ней Советского государства // Советское государство и право. 1990. № 4. С. 126; *Семиряга М.И.* Тюремная империя нацизма и ее крах. М., С. 130; *Щелокаева Т.А.* Правовой статус иностранных военнопленных в СССР (1939–1956 гг.). Дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2000.

⁴⁰ *Морозов Н.А.* Особые лагеря МВД в Коми АССР (1948–1954 гг.). Сыктывкар, 1998. С. 108; *Петров Н.В.* Внесудебные репрессии против военнопленных немцев в 1941–1946 гг. // Проблемы военного плена... Ч. 2. С. 91.

⁴¹ *Епифанов А.Е.* Ответственность за военные преступления, совершенные на территории СССР в годы Великой Отечественной войны. 1941–1956 гг. Волгоград, 2005. С. 256, 258.

⁴² *Конасов В.Б.* Судебное преследование немецких военнопленных в СССР. М., 1998. С. 4.

⁴³ Рассчитано по данным: Военнопленные в СССР. Документы и материалы. М., 2000. С. 12.

⁴⁴ *Галицкий В.П.* Вражеские военнопленные в СССР (1941–1945) // Военно-исторический журнал. 1990. № 9. С. 45–46.

⁴⁵ Россия и СССР в войнах XX века. Статистическое исследование. М., 2001. С. 184.

⁴⁶ *Лебедева Н. С.* Катень... С. 37. По данным НКВД, в лагеря военнопленных в 1939–1941 гг. было направлено 130 242 польских военнослужащих. См.: Военнопленные в СССР... С. 26, 230.

⁴⁷ *Попов А.Б.* Пленные большой войны... С. 246.

⁴⁸ *Семиряга М.И.* Тайны сталинской дипломатии. 1939–1941 гг. М., 1992. С. 111.

⁴⁹ *Попов А.Б.* Пленные большой войны... С. 246.

⁵⁰ *Фролов Д.Д.* Советско-финский плен. 1939–1944 гг. По обе стороны колючей проволоки. СПб., 2009. С. 8.

⁵¹ *Галицкий В.П.* Репрессивная политика Советского правительства в отношении иностранных военнопленных и гражданских лиц (1939–1956 гг.) // Актуальные проблемы археографии, источниковедения и историографии. Материалы Всероссийской научной конференции. Вологда, 1995. С. 3.

⁵² *Попов А.Б.* Пленные большой войны... С. 246.

⁵³ *Морозов Н.А.* Особые лагеря МВД СССР... С. 71.

⁵⁴ *Галицкий В.П.* Репрессивная политика Советского правительства... С. 3.

⁵⁵ *Полян П.М.* Не по своей воле... С. 215–216.

⁵⁶ *Бичехвост А.Ф.* К истории создания и функционирования специальных лагерей для советских военнопленных // История пенитенциарной системы России в XX веке. Сборник материалов международного научного семинара. Вологда, 2007. С. 70.

⁵⁷ *Галицкий В.П.* Там, в Бекетовке, под Сталинградом // Военно-исторический журнал. 1993. № 2. С. 19.

⁵⁸ *Букин С.С.* «На, Фриц, закури» // Родина. 1998. № 1. С. 88.

⁵⁹ *Кузьмин С.И.* К вопросу об условиях содержания немецких военнопленных в СССР // Проблемы военного плена... Ч. 2. С. 126.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ *Горбунов И.Ю.* Пребывание немецких военнопленных в СССР: условия содержания, медицинское обеспечение (по документам ГА РФ) // Проблемы военного плена... Ч. 2. С. 136, 141.

⁶² *Кузнецов С.И.* Проблема военнопленных в российско-японских отношениях после Второй мировой войны. Иркутск, 1994. С. 41.

⁶³ *Иванов В.А.* Механизм массовых репрессий в Советской России в конце 20-х – 40-х гг. (на материалах Северо-Запада РСФСР). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1998. С. 51.

⁶⁴ *Долголюк А.А.* Продовольственное снабжение военнопленных в СССР // Проблемы военного плена... Ч. 2. С. 75.

⁶⁵ Там же. С. 76.

⁶⁶ *Сидоров С.Г.* Организация питания военнопленных в СССР в 1941–1955 гг. // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Философия. Вып. 1. 1996. С. 71–82.

⁶⁷ Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Немецкие военнопленные в СССР. Документы и материалы. 1941–1945 гг. Т. 24 (13–2). Кн. 1. М., 1999. С. 9.

⁶⁸ См.: *Епифанов А.Е.* Сталинградский плен 1942–1945. М., 1999. С. 234; *Сидоров С.Г.* Организация питания военнопленных в СССР...

⁶⁹ См., например: *Будко А.А., Грибовская Г.А.* Медицинское обслуживание военнопленных в период Сталинградской наступательной операции // Военно-медицинский журнал. 2003. № 2. С. 67–71; *Грибовская Г.А.* Организация медицинского обслуживания раненых и больных военнопленных в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // НКСГ – 50 лет. Сборник материалов российско-германской научно-практической конференции. Красногорск, 1994. С. 143–146; *Конасов В.Б.* Как лечили военнопленных // Резонанс. 1990. № 19. С. 14–16; *Конасов В.Б., Богатырь О.А.* Зона милосердия // Военно-исторический журнал. 1999. № 3. С. 93–96; *Нахонетов Б.А.* Некоторые вопросы истории организации медицинской помощи в советских лагерях для военнопленных // Военно-медицинский журнал. 1995. № 2. С. 71–74; *Томилов В.А., Грибовская Г.А.* Организация лечения раненых и больных военнопленных в госпиталях тыла страны в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 1995. № 5. С. 40–43; *Федорова А.* Военнопленные в период Великой Отечественной войны: медицинский аспект // Трагедия плена. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Красногорск, 1996. С. 99–103; *Чудиновских Е.Н.* Военнопленные Второй мировой в Вятском крае // Отечественные архивы. 2000. № 2. С. 98–100.

⁷⁰ *Грибовская Г.А.* Организация медицинского обслуживания раненых и больных военнопленных в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Дисс. ... канд. медиц. наук. Ленинград, 1990. С. 148, 157.

⁷¹ *Морозов Н.А.* Особые лагеря МВД СССР... С. 71.

⁷² *Галицкий В.П.* Вражеские военнопленные в СССР... С. 45.

⁷³ *Конасов В.Б.* К дискуссии о численности немецких военнопленных в СССР // Актуальные проблемы археологии, источниковедения и историографии. Материалы Всероссийской научной конференции. Вологда, 1995. С. 41–43.

⁷⁴ *Ключарев Г.Д.* Новый взгляд на ход Сталинградской битвы // Вопросы истории. 1989. № 12. С. 67.

⁷⁵ *Епифанов А.Е.* Сталинградский плен... С. 11, 40–41.

⁷⁶ См.: *Колеров М.* Правда «Сталинградского плена» // Родина. 2008. № 4. С. 23, 27.

⁷⁷ *Баранова Н.В.* Материальный ущерб, нанесенный промышленности Верхнего Поволжья в годы Великой Отечественной войны и привлечение к ее восстановлению немецких военнопленных (1941–1949 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 1998; *Бикметов Р.С.* Трудоеmployзование немецких военнопленных на шахтах Кузбасса в годы Второй мировой войны (1943 г. – август 1945 г.) // Германия и Россия в XX веке: две тоталитарные диктатуры, два пути к демократии: Тезисы докладов участников международной научной конференции, посвященной 10-летию объединения Германии. Кемерово, 2000. С. 34–35; *Колеров М.* Военнопленные на стройках коммунизма: по материалам «Особой папки» Л.П. Берии (1946–1950 гг.) // Родина. 1997. № 9. С. 79–83; *Оганян Г.В.* Трудовое использование военнопленных и интернированных иностранных граждан в СССР: 1943–1953 гг. (на примерах южных российских регионов): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2007; *Сидоров С.Г.* Труд военнопленных в СССР в 1939–1956 гг. Волгоград, 2001.

⁷⁸ *Безбородова И.В.* Организация трудоустройства военнопленных и интернированных в лагерях НКВД–МВД СССР в годы Второй мировой войны // Проблемы военного плена... Ч. 2. С. 50–58; *Галицкий В.П.* Немецкие военнопленные в восстановлении хозяйства в СССР // Вторая мировая война и преодоление тоталитаризма. Российско-германская конференция историков. М., 1997. С. 63–69; *Суржикова И.В.* Иностранцы граждане в советской промышленности 1945–1955 гг.: несколько слов к интернациональной дискуссии // Индустриальное наследие: материалы III Международной научной конференции. Саранск, 2007. С. 779.

⁷⁹ *Медведев Ж.А.* Атомный ГУЛАГ // Вопросы истории. 2001. № 1. С. 46.

⁸⁰ *Кнышевский П.Н.* Тайны германских репараций. М., 1994.

⁸¹ *Букин С.С.* Немецкие военнопленные на советских предприятиях // ЭКО. 1999. № 1. С. 132–142.

⁸² *Баранова Н.В.* Немецкие военнопленные в Ярославской области (их участие в восстановительных работах и реконструкции промышленности) // Проблемы военного плена... Ч. 2. С. 228–229.

⁸³ *Филимонов А.В.* Немецкие военнопленные в Пскове // Проблемы военного плена... Ч. 2. С. 198–199.

⁸⁴ *Безбородова И.В.* Организация трудоустройства военнопленных... Ч. 2. С. 51.

⁸⁵ *Полян П.М.* География принудительных миграций в СССР. Дис. ... д-ра географ. наук. М., 1998.

⁸⁶ *Полян П.М.* Не по своей воле... С. 244.

⁸⁷ *Сидоров С.Г.* Труд военнопленных в СССР в 1939–1956 гг.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Волгоград, 2001.

⁸⁸ Там же. С. 40.

⁸⁹ *Суржикова Н.В.* Иностранцы в советской промышленности... С. 82.

⁹⁰ *Карасев С.В.* Император Пу И в советском плену // Вопросы истории. 2007. № 6. С. 120–126; *Марковчин В.В.* Фельдмаршал Паулус: от Гитлера к Сталину. М., 2000; *Хавкин Б.Л., Макаров В.Г.* Фельдмаршал Клейст в советском плену // Историк и его время. Памяти профессора В.Б. Конасова: сборник статей. Вологда, 2010. С. 262–272; *Христофоров В.С., Макаров В.Г., Хавкин Б.Л.* Фельдмаршал фон Клейст на Лубянке // Родина. 2010. № 5. С. 91–97; № 6. С. 90–95; *Reschin L.* General zwischen den Fronten. Walter von Seydlitz in sowjetischer Gefangenschaft und Haft 1943–1955. Berlin, 1995.

⁹¹ *Безбородова И.В.* Военнопленные Второй мировой войны: Генералы вермахта в плену. М., 1998.

⁹² *Конасов В.Б.* Первый руководитель УПВИ НКВД СССР П.К. Сопруненко // Вестник института: Научно-практический журнал Вологодского института права и экономики. Вологда, 2008. № 3. С. 65–66.

⁹³ *Бондаренко Е.Ю.* Иностранцы военнопленные на Дальнем Востоке России (1914–1956). Владивосток, 2002; *Букин С.С.* Военнопленные в Новосибирске. Новосибирск, 2005; *Карасев С.В.* Японские военнопленные на территории Читинской области (1945–1949 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2002; *Конасов В.Б., Кузьминых А.Л.* Финские военнопленные Второй мировой войны на Европейском Севере (1939–1955). Вологда, 2002; *Кузьминых А.Л.* Иностранцы военнопленные Второй мировой войны на Европейском Севере СССР (1939–1949 гг.). Вологда, 2005; *Спиридонов М.Н.* Японские военнопленные в Красноярском крае (1945–1948 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2001; *Маркдорф-Сергеева Н.М., Бикметов Р.С.* Иностранцы военнопленные в Кузбассе в 1940-е годы: Документы и материалы. Кемерово, 2002; *Рожкова Е.К.* Иностранцы военнопленные и интернированные на Южном Урале в 1943–1950-е гг. Дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2002; *Всеволодов В.А.* «Срок хранения – постоянно!» Краткая история лагеря военнопленных и интернированных УПВИ НКВД–МВД СССР № 27. М., 2003; *Кузьминых А.Л., Старостин С.И., Сычев А.Б.* «Теперь я прибыл на край света...». Т. 1: Из истории учреждений для содержания иностранных военнопленных и интернированных в Вологодской области (1939–1949 гг.): Очерки и документы. Вологда, 2009; *Чухин И.И.* Интернированная юность. История 517-го лагеря интернированных немцев НКВД СССР. Петрозаводск, 1995.

⁹⁴ *Всеволодов В.А.* «Срок хранения – постоянно!»...

⁹⁵ *Букин С.С.* В чужой земле: Памяти военнопленных, умерших в Новосибирской области в 1944–1948 гг. Новосибирск, 2000; *Ерин М.Е.* О судьбе захоронений немецких военнопленных в Ярославской области // Проблемы военного плена... Ч. 1. С. 144–149; *Кузьминых А.Л., Старостин С.И., Сычев А.Б.* «Теперь я прибыл на край света...». Т. 2: Иностранцы военнопленные и интернированные, умершие в Вологодской области в 1943–1949 гг. Вологда, 2009; *Мотревич В.П.* Иностранцы воинские захоронения в Свердловской области // Проблемы военного плена... Ч. 1. С. 149–154.

⁹⁶ *Катасонова Е.Л.* Японские военнопленные в СССР... С. 405.

⁹⁷ *Karner S.* Im Archipel GUPVI. Kriegsgefangenschaft und Internierung in der Sowjetunion 1941–1945. Wien – München, 1995; *Корнер С.* Архипелаг ГУПВИ: Плен и интернирование в Советском Союзе: 1941–1956. М., 2002.

⁹⁸ *Dornik W., Hess M., Knoll H.* Burgenländische Kriegsgefangene und Zivilverurteilte in der Sowjetunion 1941–1956. Eisenstadt, 2007; *Schneider F.* Oberösterreicher in sowjetischer Kriegsgefangenschaft 1941 bis 1956. Graz, 2004; *Gollmann S.* Kärntner in sowjetischer Kriegsgefangenschaft während und nach dem Zweiten Weltkrieg. Graz, 1999; *Engelke E.* Niederösterreicher in sowjetischer Kriegsgefangenschaft während und nach dem Zweiten Weltkrieg. Graz, 1998.

⁹⁹ *Hilger A.* Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion. 1941–1956: Kriegsgefangenenpolitik, Lageralltag und Erinnerung. Essen, 2000.

¹⁰⁰ *Фролов Д.Д.* Советско-финский плен. 1939–1944 гг. По обе стороны колючей проволоки. СПб., 2009.

¹⁰¹ Джусту М.Т. Итальянские военнопленные в СССР. 1941–1954. СПб., 2010.

¹⁰² Dähler R. Die Japanischen und die Deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion. 1945–1956. Vergleich von Erlebnisberichten. Zürich, 2007.

¹⁰³ Hoffmann Y. Stalins Vernichtungskrieg 1941–1945. München, 1996. S. 215–216; Гофман И. Сталинская война на уничтожение (1941–1945 годы). Планирование, осуществление, документы. М., 2006.

¹⁰⁴ Бивор Э. Сталинград. Смоленск, 1999. С. 422–423.

¹⁰⁵ Там же. С. 424.

¹⁰⁶ Бивор Э. Падение Берлина. 1945. М., 2004.

¹⁰⁷ См.: Ржешевский О. «...Изменить отношение к немцам как к военнопленным, так и к гражданским» // Военно-исторический журнал. 2003. № 5. С. 30–33. Рец. на кн.: Beevor A. Berlin. The Downfall 1945. L., 2002. 490 p.

© 2012 г. А. И. БОРОЗНЯК *

«ЭТО БЫЛА ПРЕСТУПНАЯ РАСОВО-ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ВОЙНА». НАЦИСТСКАЯ АГРЕССИЯ ПРОТИВ СССР В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ СОВРЕМЕННЫХ НЕМЦЕВ

22 июня навечно останется для нас всенародным Днем памяти и скорби. В ФРГ эта дата не отмечалась никогда – для немцев она слишком неудобна. Ни разу германский бундестаг не обращался к тематике нацистской агрессии против Советского Союза. Но в 2011 г., когда исполнилась 70-я годовщина начала Великой Отечественной войны, все пять партийных фракций, представленных в германском федеральном парламенте, пришли к единодушному соглашению о проведении 30 июня в рамках очередного пленарного заседания специальных слушаний, посвященных этой трагической дате. Беспрецедентным было не только решение бундестага, но и совпадение взглядов депутатов на трагедию 1941 г., на значение ее уроков для отношений современных Германии и России.

Выступивший в прениях первым В. Герхард, представляющий Свободную демократическую партию, заявил: «В начале этих дебатов по поводу 70-й годовщины нападения гитлеровской Германии на тогдашний Советский Союз необходимо отметить – и не потому, что это неизбежно, а потому, что это правда, – тот факт, что причиной всего этого ужаса был нацистский режим». Именно германской стороной была развязана «преступная расистская война на уничтожение, принесшая миллионам людей страдания, кровь и нищету». В речи социал-демократа Г. Эрлера 22 июня было названо «самой мрачной страницей германской истории». В послевоенной Западной Германии, по словам депутата, все, что было связано с «планом Барбаросса», «отторгалось или было оболгано». Понадобилось значительное время, усилия честных историков и длительные публичные дискуссии для того, чтобы опровергнуть ложные установки о «чистом вермахте» или «превентивной войне Гитлера против России». Лишь в последнее время произошло, уверен Эрлер, «настоящее чудо» – утверждение «реально существующих динамичных, позитивных германо-российских отношений».

«Ни русские, ни немцы, ни Европа не хотят войны, война должна быть изгнана из истории народов», – эти слова депутата В. Герке, представляющего партию «Левых», сопровождалось, согласно стенограмме заседания, «аплодисментами всего зала». Целью государственной политики, заявил христианский демократ М. Глос, «должно быть обеспечение мира и дружбы между людьми в России и Германии». День 70-летия нападения гитлеровской Германии на СССР, продолжал он, «служит предупреждению»

* **Борозняк Александр Иванович**, доктор исторических наук, профессор Липецкого государственного педагогического университета.